Антикриминальная политика России и перспективы ее развития в Дальневосточном Федеральном округе РФ

Г.Ф. Маслов

Маслов Г.Ф. – канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой специальных юридических дисциплин ДВАГС.

Автором вводится новое для юридической науки понятие региональной антикриминальной политики и дается ее характеристика не только с позиции права, и криминологии, но политологии и регионалистики. Обосновывается необходимость включения в число субъектов системы профилактики преступности региональной политической и бизнес-элиты.

Антикриминальная политика, ее состояние и тенденции развития в настоящее время вызывают живой интерес как у общественности, так и у представителей органов власти – работников правоохранительных органов, прокуратуры, органов юстиции. Вместе с тем, ни в теории права, ни в научных основах политологии нет какого бы то ни было унифицированного подхода в оценке состояния антикриминальной политики. Складывается впечатление, что о данном виде политики представители органов власти вспоминают только в предвыборный период, но после выборов все вопросы по борьбе с преступностью, профилактикой преступности переадресовываются ими правоохранительным органам, а обсуждаются только общественностью.

В то же время, проблемы, создаваемые преступностью для общества, только усугубляются: растет общеуголовная преступность, сводится к нулю работа по социальной реабилитации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы; во власти приобретает массовый характер семейственность, «кумовство», клановость, протекционизм и взяточничество; все глубже в тень уходит региональная экономика, обостряются конфликты, связанные с переделом собственности; укрепляется экономическая мощь деструктивных этнических и финансово-экономических групп как в субъектах Федерации (в т. ч. отдельно в крупных городах), так и в видах экономической деятельности и многое другое.

Не улучшает ситуацию правоохранительная деятельность и общесоциальная работа органов власти на местах: коррупция становится нормой поведения, не редки случаи покупки должностей, кадровая работа ведется поверхностно, процесс переподготовки и повышения квалификации служащих органов власти не отвечает потребностям времени.

В частности, из всех государственных гражданских служащих дальневосточных субъектов Федерации на 1.01.07 только 15% имеют соответствующее должностям образование, а специализированное управленческое – только 5%[1].

---

[1] Прим. автора: Данная статистика была озвучена на заседании межведомственной комиссии по государственной службе при полномочном представителе Президента РФ в

Решение проблем борьбы с преступностью, взяточничеством и отсутствием кадрового резерва представителями власти видится, прежде всего, в повышении заработной платы чиновников, а факты семейной протекции оправдываются в узком кругу необходимостью заботы родителей о своих детях. Отсюда семейственность, клановость власти и экономики, формирование закрытых каст – судейского корпуса, прокурорских работников, сотрудников органов МВД, ФСБ и прочее.

Безусловно, история России и, прежде всего история азиатских стран, имеют положительный опыт развития государств, во главе которых находились те или иные тейпы, кланы, фамилии, семьи и социальные группы. Однако такой подход в условиях развития демократических свобод, развития мировой экономики и межгосударственных отношений не приемлем и не может быть оправдан. Боле того, клановость влечет развитие культа старшего, главы, руководителя, что объективно обусловливает возникновение межличностных конфликтов, конфронтацию групп и стремление «группы власти» сохранить свое положение всеми возможными способами, в том числе и с использованием как государственного аппарата принуждения, так и уголовного законодательства.

Примечательно, что для субъектов Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ, проблемы семейственности, клановости и необоснованно повышенной роли руководителей так же актуальны, как и для Российской Федерации в целом. В итоге, указанные проблемы проецируются и на процессы формирования и реализации региональной антикриминальной политики, что, в свою очередь, негативно отражается как на организации борьбы с преступностью, так и на обеспечении безопасности и общественного порядка.

Именно необходимость изменения ситуации борьбы с различными, но наиболее актуальными для Дальнего Востока России, видами преступности обусловливает необходимость исследования региональной антикриминальной политики не только в рамках правового и криминологического анализа, но и с использованием основ политологии и регионалистики.

Безусловно, важнейшим вопросом для указанного исследования, носящего межпредметный характер, является понятийный аппарат, учитывающий как правовые, так и политологические аспекты предмета исследования.

По определению А.И. Долговой, антикриминальная политика – это определяемая государством, обществом и санкционированная государством система борьбы с преступностью в конкретных временно-пространственных условиях [11].

Данное понятие, по нашему мнению, носит противоречивый характер и требует корректировки. Так, с позиции криминологии оно полностью оправдано, т. к. акцентирует наше внимание на виде деятельности – борьбе с преступностью, но с позиции теории права оно дает весьма широкое толкование, не вписывающееся в рамки права. С позиции же политологии

Дальневосточном федеральном округе 28.03.2007 г., проводимого с участием автора.

антикриминальная политика есть часть, элемент политики в целом, что ограничивает антикриминальную политику до вида деятельности.

Разница в понимании исходного определения антикриминальной политики дополнительно обусловливает необходимость более детального анализа понятийного аппарата, рассмотрения процесса его формирования с позиции компаративного и системного подходов к его изучению. В частности, можно выделить несколько подходов в оценке антикриминальной политики.

С позиции права, антикриминальная политика может быть оценена как совокупность мер, направленных на правовое обеспечение борьбы с криминалом, правовая основа деятельности правоохранительных органов и правоохранительная деятельность в лице судебной практики.

В данном аспекте антикриминальная политика сближается с антикриминальной деятельностью, тактикой и стратегией борьбы с конкретными видами преступности, правовым обеспечением процесса борьбы с преступностью. Иными словами, антикриминальная политика с позиции права не только сближается с политикой уголовно-правовой, но и становится ей тождественной.

Позитива в такой оценке антикриминальной политики нами не видится, и в большей степени такая оценка допустима только для теоретического дискурса и нормотворческого процесса. Пагубность или бесперспективность такого подхода в рассмотрении антикриминальной политики подтверждается всем опытом правовой борьбы с преступностью – усиление репрессии не способно устранить причин преступности, а совершенствование права, как такового, отождествляется специалистами материального уголовного права с совершенствованием диспозиций статей УК. И первое, и второе плохо, поскольку первое попустительствует преступности, а второе представляется нам более опасным в виду нарастающей диффузии права, что только создает проблемы для правоприменителей и, в итоге, так же на руку преступности.

Примечательно, что междисциплинарный подход в изучении социальных явлений есть аксиома нашего времени для всех дисциплин, наук, отраслей знаний, а интеграция знаний – осознанная необходимость! Правоведы, при всей гибкости их мышления, осознают указанную необходимость, но при решении конкретных задач демонстрируют приверженность старым идеям и стереотипам мышления.

Право, особенно уголовное, по определению отстает от развивающихся общественных отношений, но его постоянство способно нести не только позитив, демонстрировать стабильность и устойчивость оценок общественной полезности и общественной опасности. Отставание права от общественных отношений может входить в конфликт с экономическими, политическими, международными и иными сферами общественных отношений.

Полагаем, что в случаях, когда право стабилизирует процесс регулирования отношений, не позволяет опускаться до политико-экономической конъюнктуры – его неизменность и стабильность полезны для общества и государства. Когда же право тормозит развитие отношений,

конфликтует с научно-техническим прогрессом – оно социально неоправданно.

Применительно к процессу изучения антикриминальной политики традиционные подходы в оценке антикриминальной деятельности также могут препятствовать научному прогрессу.

Так, с позиции криминологии антикриминальная политика есть уже система борьбы с преступностью как явлением и охватывает не только правоохранительную деятельность и правовое обеспечение, но и систему воздействия на причинный комплекс, систему управления правоохранительными органами, уделяет огромное внимание вопросу взаимодействия различных субъектов, опять-таки, антикриминальной деятельности. Именно данный аспект лежит в основе приведенного выше определения А.И. Долговой.

Следует признать, что такое рассмотрение антикриминальной политики порождает множество проблем, и одна из них связана с необходимостью определения оценки и стимулирования политической воли. В случаях, когда поведение власти или некоторых представителей органов власти не оправдывает ожидания специалистов-криминологов, то последними принято критиковать власть и указывать на отсутствие политической воли. В то же время, криминологи чаще отрицают возможность существования конфликта интересов различных субъектов, когда речь идет о борьбе с преступностью.

Безусловно, преступность есть социальное зло, подлежащее полному искоренению, но для политики характерно использование наряду с принципом законности принципа политической целесообразности. Последний в политической деятельности имеет высший приоритет, что подтверждается массой примеров как из истории политики России, США и других стран, так и мировой политики нынешнего времени.

По нашему мнению, так называемая «политическая воля» есть очередной фетиш, используемый во всех случаях, когда нет объяснения происходящим явлениям или объяснение неубедительно, либо отсутствует понимание общественностью, в целом, и криминологами, в частности, логики принимаемых органами власти управленческих, политических, правовых, организационных решений.

Рассмотрение же антикриминальной политики с позиции политологии представляется нам в большей степени необходимым, целесообразным и расширяющим границы привычного понимания антикриминальной деятельности, профилактики, борьбы с преступностью и антикриминальной политики в целом.

Подобный подход не только не отрицает использования механизма совершенствования норм права, построения стратегии борьбы с преступностью, включает воздействие на причинный комплекс, но и (с учетом характеристик участников политического процесса) вносит необходимые коррективы в цели, задачи и функции антикриминальной политики, что позволяет раскрыть, вникнуть в суть целей, задач антикриминальной

политики, пополнить арсенал борьбы с преступностью нетрадиционными для права методами разрешения социальных конфликтов в сфере преступного поведения.

Важно понимать, что политика, какой бы она не была, изначально, по своей сути, есть не только и не столько деятельность политических акторов, сколько сфера отношений, связанная с конкретным социальным явлением.

Эта сфера отношений гораздо шире деятельности и предполагает оценку интересов всех субъектов, включенных в указанную сферу отношений, охватывает не только и не столько правовые методы и методики ее регулирования, нацеливает на широкое использование мер неуголовно-правового характера.

Разделяя позицию А.И. Долговой, высказанную ею на Международной научно-практической конференции «Преступность, общество, криминология: диалектика развития» в Суздале в 2006 году, автор согласен, что криминологические исследования не ограничиваются правовыми рамками и должны учитывать экономические, геополитические, демографические и иные, важные для профилактики аспекты борьбы с преступностью. Тем не менее, для криминологических исследований уголовно-правовая составляющая в борьбе с преступностью является доминирующей. Но эта же доминанта и порождает принципиальную ошибку в подходе к изучению антикриминальной политики. Если подойти непредвзято к оценке всего, что связано с борьбой с преступностью, ее профилактикой, контролем над преступностью со стороны государства и взаимодействия общества и преступности, то антикриминальная политика есть сфера отношений, складывающаяся в государстве в связи с существованием преступности и необходимостью государственного и общественного реагирования на оную.

Полагаем, что только в таком ключе и следует рассматривать антикриминальную политику, т. к. необходимо подходить к оценке данного явления не только с позиции криминологии и права, что предпочтительно для криминолого-правового анализа, но и с позиции политологии, что необходимо для ее сущностной характеристики.

Еще одним позитивом рассмотрения антикриминальной политики с позиции политологии является возможность ее рассмотрения с учетом региональной специфики не ограниченной анализом территориальных особенностей преступности. Важно иметь в виду широкий спектр факторов, влияющих на преступность, но они могут не входить в перечень территориально-демографических или экономических особенностей региона или субъекта Федерации.

Так, появление экономических притязаний со стороны новых бизнес-элит для любого субъекта Федерации породит новый всплеск передела собственности, а смена территориального лидера – руководителя правоохранительного органа – внесет куда более серьезные изменения в состояние преступности нежели изменение законодательства. Более того, кадровые «рокировки» руководящего состава в структурах МВД и прокуратуры способны изменить вектор деятельности всей подчиненной

структуры. В итоге антикриминальная политика становится в большую зависимость от субъективных факторов нежели факторов объективных.

В таких условиях необходимое для антикриминальной политики научное прогнозирование состояния преступности имеет наименьшую репрезентативность. К примеру, в работе «Российская уголовная политика: преодоление кризиса» авторы делают вывод о кризисных явлениях в уголовной политике на том основании, что после вступления в действие нового УПК РФ вместо снижения зарегистрированной преступности произойдет ее рост [12]. Вне поля зрения юристов осталась «установка» лидера – руководителя МВД Р. Нургалиева – о недопустимости укрывательства преступлений и регистрации всех выявленных фактов. Оставшаяся же в завуалированной форме система отчетности раскрываемости, в свою очередь, обусловила, во-первых, стремление к регистрации как можно большего количества очевидных преступлений, во-вторых, активное, механистическое использование института множественности [2].

Таким образом, основной фактор, определивший рост зарегистрированной преступности, связан не с правовыми изменениями, а с ролью руководителя МВД РФ. Видеть в этом позитив или негатив – дело не благодарное в России, поскольку даже самые благие намерения могут на местах превратиться в «кампанейщину».

Безусловно, «кампанейщина», в различных ее проявлениях, явление не новое для России и не связана с региональными особенностями, но оказывает огромное влияние на антикриминальную политику в регионах и субъектах Федерации.

Не менее важной проблемой, определяющей судьбу антикриминальной политики, является проблема определения ее субъектов и методов разрешения социальных конфликтов, порождаемых преступностью, что особенно важно как для региональной, так и для государственной антикриминальной политики.

Вместе с тем, вводить дополнительных субъектов антикриминальной политики есть задача если не бесперспективная, то трудоемкая и длительная. Криминальная ситуация же такова, что для совершенствования антикриминальной политики на уровне региона необходимо вносить коррективы уже сейчас, не дожидаясь лучших времен, смены поколений и пр.

Таким образом, для определения «перечня» субъектов **региональной антикриминальной политики** (РАКП) мы предлагаем остановиться на анализе уже имеющихся институтов власти, общественных и политических образованиях, способных участвовать в антикриминальной деятельности или функционирующих в той сфере отношений, которую мы относим к региональной антикриминальной политике.

В соответствии с основными положениями криминологии, любой субъект власти, любое общественное объединение или организация и любые физические лица могут участвовать в антикриминальной деятельности.

---

[2] Прим. автора: Известны примеры, когда следователи для поднятия раскрываемости выставляли карточки на раскрытие 20 и 43 преступлений, которые были совершены одним человеком в течение одного рабочего дня.

Ограничений не существует, но принято выделять субъектов правоохранительной деятельности и органы (организации), выполняющие правоохранительную функцию, но имеющие и свои цели и задачи. К первым, к примеру, относятся ОВД, а ко вторым – армейские формирования, участвующие в охране общественного порядка во время массовых мероприятий.

Деятельность и первых, и вторых прямо регламентирована законом и определяет возможность несения ими службы по охране общественного порядка, предоставляет право применения силы и оружия для задержания преступников, налагает ответственность за невыполнение поставленных задач. В то же время, существуют и другие субъекты, которые не обязаны выполнять задачи борьбы с преступностью, но являются или активными участниками антикриминальной деятельности, или включены в сферу антикриминальной политики.

К последним можно отнести всех юридических и физических лиц, обеспечивающих безопасность и порядок на производстве, в сфере обслуживания населения, по месту нахождения или проживания граждан. В частности, вовлеченными в процесс профилактики уличной преступности будут все коммерческие торговые ларьки и магазины, оборудованные кнопкой экстренного вызова милиции.

Только в центре г. Хабаровска, к примеру, таковых свыше100 объектов, которые в совокупности с другими мерами контроля за общественным порядком образовывают «зоны безопасности». Расширение таких зон – одна из задач УВД края на ближайшую перспективу, но роль коммерческих предприятий в обеспечении общественной безопасности и порядка так же велика.

Данный пример наглядно показывает, что в качестве субъекта антикриминальной политики, в целом, и профилактической деятельности, в частности, могут рассматриваться организации, не выполняющие правоохранительной функции и не наделенные правом применения мер правового принуждения. При этом отрицать их участие в антикриминальной деятельности было бы ошибкой.

Исходя из этого, мы пришли к выводу, что участников антикриминальной политики, назовем их «акторы», следует отличать не по наличию у них полномочий на применение мер правового воздействия, а по их роли в реализации антикриминальной политики, по степени их вовлеченности и влияния на криминальную ситуацию. В таком случае мы можем не искать новых субъектов профилактики преступности, что есть частная задача в деле совершенствования региональной антикриминальной политики, а оценивать роль любого лица, включенного в сферу антикриминальной политики.

Полагаем, что для определения места того или иного актора в системе антикриминальной политики можно вводить условный «паспорт организации», который содержал бы краткую характеристику деятельности юридического лица. Разработка показателей для такого «паспорта» – задача ближайшего времени.

Однако главная роль в реализации антикриминальной политики принадлежала и будет принадлежать органам власти.

К примеру, традиционно в качестве субъектов антикриминальной политики выступают органы исполнительной власти и общество в целом, но на первых ролях обязательно стоят правоохранительные органы. Эта точка зрения уже приобрела характер аксиомы – кому же бороться с преступностью на местах, как не им? И это правильно. Ответственными за профилактику и борьбу с преступностью являются органы внутренних дел, органы прокуратуры, суд и иные представители власти, выполняющие правоохранительную функцию. Однако борьба с преступностью и ее профилактика не тождественны региональной антикриминальной политике, а является лишь частью оной.

Правоохранительные органы, роль которых в деле борьбы с преступностью мы ни в коей мере не принижаем, находятся на «передовой» правоохранительной деятельности, а политика определяется за «кулисами» и основывается на принципе компромисса, который для юриспруденции, в общем-то, чужд. Анализируя состояние преступности, следует признать, что работа правоохранительных органов оказывает минимальное воздействие на процесс развития антикриминальной политики в регионе, поскольку цели, задачи и методы их деятельности связаны с воздействием на преступность, проявляющуюся в то время, как факторы, обусловливающие преступность, в силу их многообразия, выходят из сферы их деятельности.

Иными словами, правоохранительные органы формируют лишь правоохранительную, судебную, пенитенциарную практику, к которой тоже множество претензий со стороны общества, но это не политика, а виды деятельности. Определяют же «генеральную линию борьбы с преступностью» другие участники государственной и региональной политики.

Возникает вопрос, кто же эти «невидимые», на первый взгляд, лица, имеющие реальные возможности влияния на антикриминальную политику как таковую? Ответ на этот вопрос, как указывалось выше по тексту, следует искать не только в теории криминологии, но и политологии и регионалистике.

Прежде всего, это местная исполнительная власть и элита.

К примеру, анализ субъектов региональной политики в Хабаровском крае позволяет выделить три типа территориальной элиты.

1. **Властная элита.** Она включает в себя руководителей исполнительной и законодательной местной власти: губернатора, мэров крупных городов, руководителей министерств и управлений правительства края, руководителей региональных правоохранительных органов, председателя и руководителя аппарата Краевой думы.
2. **Бизнес–элита.** Она состоит из местных экономических кланов и финансовых групп. Именно последние, войдя в сговор с представителями властной элиты, оказывают наибольшее влияние на региональную политику.

3. Территориальная **политическая элита**. В Хабаровском крае она ориентируется на партийных руководителей и сильна их должностным положением.

Следует отметить, что баланс полномочий среди ветвей власти нарушен именно в пользу исполнительной власти, а это, в свою очередь, является определяющим фактором.

Именно исполнительная власть субъектов Федерации ставит перед правоохранительными органами специфические для регионов и субъектов Федерации задачи по защите собственных интересов. Интересов, надо сказать, как социально-политических, так и экономических. С учетом степени коррумпированности чиновников можно предположить и использование мер уголовной репрессии для обеспечения экономических целей как в интересах отдельных физических лиц, так и финансово-экономических групп, элит, семей, кланов и этнических группировок.

Именно исполнительная власть ответственна за разработку, принятие и реализацию различных программ, так или иначе воздействующих на криминальную ситуацию: Программа борьбы с безнадзорностью и беспризорностью; Программа поддержки малочисленных коренных народов и национальностей и пр.

Есть и другие примеры формирования исполнительной властью региональной антикриминальной политики. Однако характеристика деятельности органов исполнительной власти и оценка их роли в сфере антикриминальной политики не ограничиваются только анализом их правового положения, структуры и принимаемых решений. Было бы большим упущением оставить без внимания субъективный, человеческий фактор, который оказывает огромное влияние на процесс принятия решения. Особую значимость данный фактор имеет для оценки роли руководителей органов исполнительной власти, но для этого необходимо проведение анализа деятельности конкретных руководителей органов власти, что также может представлять интерес для разработчиков Региональной антикриминальной политики (РАКП).

Вторым по значимости участником региональной политики являются региональные бизнес сообщества и бизнес-элита, образующая самостоятельную группу акторов антикриминальной политики.

Если в случае с исполнительной властью мы говорили о стремлении власти сохранить и приумножить властные полномочия, дающие и обеспечивающие неприкосновенность, социальные и экономические льготы, привилегии, то бизнес преследует, прежде всего, цель дальнейшего обогащения, а бизнес-элита дополнительно стремится к получению власти, дающей неприкосновенность личности и неприкосновенность капиталов[3].

---

[3] Прим.автора: Чаще всего речь идет о власти представительной (законодательной), дающей как неприкосновенность и правовой иммунитет, так и возможность участия в законодательной защите капиталов.

Заинтересованность бизнеса в реализации и участии в антикриминальной политике обусловлена, прежде всего, обеспечением собственной безопасности.

Безопасность коммерческой деятельности связана с законной деятельностью контролирующих органов и органов власти в целом, а личная безопасность бизнесменов обеспечивается развитием ведомственных служб охраны. И первое направление обеспечения безопасности, и второе тесно связаны с антикриминальной деятельностью и позволяет, как уже указывалось выше, относить коммерческие предприятия к участникам антикриминальной политики. Наличие же у последних финансовых и людских ресурсов обусловливает необходимость их широкого вовлечения в антикриминальную деятельность.

Помимо участия коммерческих организаций в обеспечении безопасности населения возможны прямо противоположные основания их включения в сферу антикриминальной политики. Речь идет о коррумпировании последними представителей власти. Конечно, слияние «в экономическом экстазе» бизнеса и исполнительной власти наблюдается во многих регионах и, по нашему мнению, данный процесс будет только нарастать. И поскольку процесс передела собственности бесконечен, то конфликт интересов власти и бизнеса также будет существовать всегда. Данные конфликты наиболее ярко проявляются при наличии субъективного фактора у представителей бизнес-элиты.

Бизнес-элита, и не только региональная, будет стремиться оказывать постоянное воздействие как на власть, так и на политику налоговую, административную, уголовную и пр.

Следует помнить, что глобальный передел собственности опирается не только на экономические биржевые игры, слияние субъектов экономической деятельности, банкротство и прочие методы. В арсенале бизнес-элиты есть и такой метод, как насыщение закона различными поправками, о чем уже указывалось выше, которые действуют разрушающе на систему закона, делают его неработающим или обусловливают усложнение процедур его применения.

Даже беглый взгляд на методы передела собственности бизнес-элитой позволяет нам связать их с антикриминальной политикой, уголовной политикой и правоохранительной деятельностью.

Так, экономическое лобби, к примеру, напрямую связано с таким преступным проявлением, как захват предприятий – рейдерство. Оно напрямую связано с фальсификацией документов и вовлечением в экономический конфликт судебной системы и сил правоохранительных органов. Интересен тот факт, что вслух об «отсутствии» уголовного закона в отношении рейдеров постоянно говорит мэр г. Москвы. Согласиться с ним нельзя, поскольку это противоречит действительности, но распространение такого «слуха» на руку самим рейдерам. Специалистам же в области уголовного права прекрасно известны все статьи УК РФ, по которым рейдеры и их пособники (по совокупности) могут получить большие сроки реального лишения свободы.

Таким образом, следует признать, что региональная бизнес-элита оказывает наиболее существенное влияние на антикриминальную политику именно в субъектах Российской Федерации.

Как уже указывалось выше, важным для анализа деятельности бизнес - элиты является изучение субъективного фактора, т. к. каждый руководитель, собственник предприятия преследует не только цели получения прибыли предприятием, но и имеет личные цели обогащения, приобретения власти и обеспечения собственной безопасности. Именно эти цели могут и должны быть использованы для повышении роли бизнес-элиты в региональной антикриминальной политике.

Еще одной группой акторов региональной политики являются общественные организации и общественные группы влияния, однако их роль в антикриминальной политике и антикриминальной деятельности настолько мизерна, что рассматривать их в качестве значимого участника политического процесса было бы преждевременно.

Полагаем, что для России назрела необходимость создания общественных организаций, более активно участвующих в региональной антикриминальной политике, к примеру в части осуществления общественного контроля за деятельностью органов власти. Возможно, в качестве таких организации могут выступать сообщества адвокатов, юристов или правозащитников, но развитие данного направления работы есть ближайшая перспектива, находящая свое отражение, в частности, в последних Указах Президента РФ о ратификации международных конвенций, посвященных борьбе с коррупцией. Это лишь одно, но важное направление в работе общественных организаций.

Таким образом, антикриминальная политика в регионах России не новое явление и не возникла в последние годы. Будучи сферой общественных отношений она существовала всегда и имеет как достижения, так и недостатки. Однако, по нашему мнению, оценка ее эффективности осуществляется ограниченно с позиции правоприменения, что является стратегической ошибкой.

Полагаем, что для дальнейшего совершенствования региональной антикриминальной политики необходимо, как минимум, отказаться от стереотипов, мешающих развитию комплексных мер профилактики преступности.

Литература и источники:

1. Алексеев, А.И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло. – М.: Норма, 2006.

2. Алексеев, А.И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло. – М.: Норма, 2006. – С. 7

3. Вартумян, А.А. Региональный политический процесс в современной России: динамика, тенденции, особенности: Дисс. докт. полит. наук / А.А. Вартумян. – М., 2005.

4. Дагель, П.С. Проблемы советской уголовной политики / П.С. Дагель. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1982. – 124 с.

5. Кан Ен Бок. Управление процессами реформирования социальной сферы в регионе: Дисс. канд. экономич. наук / Канн Ен Бок. – М., 1999.

6. Куршев, М. Политика борьбы с преступностью и уголовное право в изменяющейся Европе / М. Куршев // Уголовное право, 1999. – №4. – С. 86 – 94.

7. Лесников, Г.Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные аспекты): Дисс. докт. юрид. наук: / Г.Ю. Лесников. – М., 2005.

8. Маслов, Г.Ф. Региональная уголовная политика и ее перспективы / Г.Ф. маслов // Власть и управление на Востоке России. №1, – 2006. – 117 – 121 с.

9. Мусеибов, А.Г. Теоретические основы методики предупреждения преступлений: Дисс. докт. юрид. наук / А.Г. Мусеибов. – М., 2003.

10. Панченко, П.Н. Оптимизация уголовной политики и проблемы правопорядка в экономике: Монография / П.Н. Панченко:под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России; Нижегородский филиал Государственного университета – Высшая школа экономики, 2004. – 457 с.

11. Преступность как она есть и направления антикриминальной политики. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004, – С. 3.

12. Харитонов, А.Н. Государственный контроль над преступностью (вопросы теории): Дисс. докт. юрид. Наук / А.Н. Харитонов. – Н-Новгород, 1997.